

Даже если подобные догадки уже тысячу раз крутились в голове, когда Чжоу Цыбай наконец услышал от Гу Цзицина эти слова своими ушами, его сердце сжалось так сильно, что дыхание перехватило.

Как Гу Цзицин может его любить?

Они ведь познакомились совсем недавно.

Да и тогда, в первый раз, когда Гу Цзицин по ошибке забрался на его кровать и заявил, что не питает к нему никаких чувств, Чжоу Цыбай поверил – это звучало искренне.

Неужели за этот месяц всё изменилось?

Но за последние недели он же ничего особенного не делал.

Разве что дважды заступился, когда видел, как Гу Цзицина обижали.

Может, именно из-за этих двух случаев?

Вспомнился тот вечер, когда он впервые помог Гу Цзицину избавиться от Хэ Чанчжи. Тогда Гу Цзицин, говоря по телефону о Чжоу-Чжоу, выглядел одновременно грустным и утешенным.

А потом второй раз, когда он выручил его из рук Ли Вана. Гу Цзицин тогда спокойно посмотрел на него и произнес, что не каждый стал бы его защищать. Взгляд его был мягким и теплым.

Затем мысли переключились на рассказ старшего брата о том, что Гу Цзицин – сын второй жены госпожи Гу, рожденный после смерти отца, и все эти годы его жизнь вряд ли была легкой.

И наконец – фраза Гу Цзицина, прозвучавшая с обидой и тоской: «У меня остался только ты».

Пальцы Чжоу Цыбая резко сжались.

Только тот, кого никогда не защищали и не баловали, мог так бережно хранить в памяти даже малейшие проявления доброты.

Как тогда, во время двух месяцев травли в новой школе, когда он влюбился в единственную девушку, проявившую к нему участие, и до сих пор не мог забыть её.

Но его поступки по сравнению с её добротой казались такими незначительными.

К тому же он часто хмурился и говорил резко.

Да еще и не раз неправильно понимал Гу Цзицина.

Так в каких же условиях жил этот человек раньше?

Чжоу Цыбай на мгновение забыл, что влюбленность Гу Цзицина должна вызывать у него отвращение и беспокойство. Вместо этого, глядя на бледное, изящное, но хрупкое лицо в его ладони, он почувствовал странную тяжесть в груди.

Ему даже захотелось пальцем разгладить легкую морщинку между бровями Гу Цзицина, появившуюся от дискомфорта.

Он так и сделал.

И тут Гу Цзицин открыл глаза.

Лежа на правой руке Чжоу Цыбая, он удивленно моргнул, глядя на пальцы, только что коснувшиеся его лба.

Чжоу Цыбай: «...»

Черт!

Он что, с ума сошел?!

Он же гетеро, а Гу Цзицин в него влюблен. Надо держаться подальше, а он тут руки распускает!

Осознав абсурдность своих действий, Чжоу Цыбай резко отдернул руку и, стараясь сохранить спокойствие, бросил:

- Я потрогал - у тебя температура. Куплю лекарства.

Схватив первую попавшуюся куртку, он выбежал из комнаты, словно за ним гнались.

Гу Цзицин, наблюдавший эту сцену уже не раз за последние недели: «...»

Видимо, Чжоу Цыбай действительно панически боится геев.

Не желая доставлять неудобства, он укутался в одеяло и решил держаться от Чжоу Цыбая как можно дальше.

Тут дверь снова открылась.

Чжоу Цыбай стоял на пороге и неловко спросил:

- Эм... Ты что-нибудь хочешь поесть?

Гу Цзицин тихо ответил:

- Не надо беспоко...

Гррр...

Слово «беспокоиться» оборвалось - его живот предательски урчал.

«...»

Короткая неловкая пауза.

Чжоу Цыбай:

- Свиные ребрышки в кисло-сладком соусе подойдут?

Гу Цзицин:

- Спасибо.

Кивнув, Чжоу Цыбай вышел.

Гу Цзицин вяло зарылся в одеяло, решив, что как только поправится, сразу же установит дистанцию.

В конце концов, Чжоу Цыбай такой добрый – наверное, даже не рассердится.

Он не заметил, как впервые позволил себе немного эгоизма и снисходительности, лишь крепче укутался и снова погрузился в тяжелый сон.

А Чжоу Цыбай, купив лекарства, вдруг осознал: сейчас три часа дня – обед уже прошел, ужин еще не начался, в столовой нет нормальной еды, а заказывать доставку он боялся – вдруг больному покажется слишком жирным.

Увидев в университетском магазине замороженные свиные ребрышки, он не удержался и прихватил их вместе с коробкой яиц и пучком шанхайской зелени обратно в общежитие.

Всё равно он собирался всё объяснить и держаться подальше, так что пара дней ухода за больным не помешают.

Иначе дед, узнав, что он бросил беспомощного человека в болезни, точно прильет его тростью.

Чжоу Цыбай нашел свои аргументы убедительными, после чего хмуро закатал рукава и взялся за кастрюлю.

Университет Цинхуа, известный своим гуманизмом, оборудовал каждый этаж общежития зоной с кухней: микроволновки, плиты, столы – чтобы студенты могли готовить.

На первом курсе Лу Пин с энтузиазмом купил набор посуды для горячих горшков.

Но вместо них Чжоу Цыбай часто использовал её, чтобы разнообразить меню.

Выросший в семье с достатком, он с детства жил у деда в армии, где его приучили всё делать самому, так что готовка и уборка давались легко.

Ребрышек оставалось меньше полкило – на полноценное блюдо не хватало, поэтому он решил сварить Гу Цзицину лапшу с кисло-сладкими ребрышками.

Ловко нарезав, пробланшировав, замариновав и обжарив мясо, он поставил соус увариваться, а сам занялся лапшой. Вдруг сзади раздался крик:

– Блин, Лао Чжоу! Ты что, жрать собрался один?!

Рука Чжоу Цыбая дрогнула – пачка лапши весом в килограмм целиком высыпалась в кастрюлю.

Лу Пин тут же прослезился:

– Ууу, так ты не один жрешь, а для нас всех варишь! Лапша с ребрышками... Лао Чжоу, ты лучший! Не забудь мне яйцо добавить, всмятку.

Ван Цюань:

– Мне тоже, с жидким желтком.

Чэнь Цзи:

- А мне без яйца, зато побольше мяса.

Заказав, идиоты радостно потопали в комнату.

Чжоу Цыбай, и так недовольный малым количеством ребрышек для Гу Цзицина, нахмурился.

Эти парни - как собаки: чуют еду и бегут.

Но объяснять, что это для Гу Цзицина, он не стал - еще начнут фантазировать.

При мысли о возможных неловких шутках лицо его стало еще мрачнее.

Ладно, если варить на всех, это не будет выглядеть как особое отношение.

Да он и не для Гу Цзицина старался.

Просто помог соседу по комнате.

Какая разница, одного или нескольких? Главное - равенство.

Так он поделил лапшу на пять порций и начал распределять скудные ребрышки.

Лу Пин - один кусок, Гу Цзицин - один.

Чэнь Цзи - один, Гу Цзицин - один.

Ван Цюань - один, Гу Цзицин - один.

Себе - один, Гу Цзицин - один.

Осталось два. Гу Цзицин болен - ему еще один. Сам готовил - себе еще.

Но он не любит кисло-сладкое, так что пусть Гу Цзицин возьмет и его долю.

Ладно, отдам все.

Чжоу Цыбай посчитал раздел справедливым и незаметно спрятал шесть кусков ребрышек под лапшой в миске Гу Цзицина.

Всё честно - каждому по куску.

Гу Цзицина разбудил звонок Инь Лань.

- Чжи-Чжи, мама через пару дней приеду в Пекин с Чжоу-Чжоу. Как раз перед Рождеством остановлюсь в отеле рядом с вашим университетом. Возьмешь отпуск на пару дней, поживешь со мной? Уроки не пропустишь, просто поужинаем вместе, поболтаем. Соскучилась.

Голос её, как всегда, был тихим и нежным, с ноткой боязни отказа - словно обычная мать, безумно любящая своего ребенка.

Сдерживая сухость в горле, Гу Цзицин мягко ответил:

- Хорошо. Встретить тебя?

- Не надо. Брат сказал, что организует трансфер и бронирует номер для тебя. Видишь, он о тебе заботится. - Инь Лань, не заметив хрипоты в голосе сына, продолжала улыбаться в трубку.

Гу Цзицин промолчал.

Инь Лань спросила:

- А что с Чжоу-Чжоу? Даже если оставить его в отеле на несколько дней, потом ему негде будет жить. Может, я сниму квартиру, ты его туда перевезешь, оставишь воды и еды, будешь навещать?

- Не надо. Чжоу-Чжоу любит внимание. Один будет скучать. Я договорился с другом - временно оставим у него, а когда перееду на следующий семестр, заберу.

Голова гудела, но Гу Цзицин старался говорить ровно, чтобы мать не волновалась.

Инь Лань так и не заметила ничего, ласково попрощалась и положила трубку.

Тут в комнату ворвались Ван Цюань и Лу Пин с мисками дымящейся лапши, громко причмокивая.

Ван Цюань поставил миску на стол и зашипел:

- Ой, горячо! Зато запах классный, и выглядит аппетитно.

Он попробовал:

- М-м, вкусно! Лао Чжоу, ты мастер. Будущей девушке повезет.

Ван Цюань, как гость из соседней комнаты, остался доволен.

Чжоу Цыбай, хмурый, проигнорировал его и подошел к кровати Гу Цзицина, протянув миску.

Тот, увидев лапшу, щедро политую кисло-сладким соусом, удивленно поднял брови.

Чжоу Цыбай без эмоций сказал:

- В столовой не было свиных ребрышек.

Так что сам приготовил?

Гу Цзицин взял миску, поднял лапшу - и обнаружил под ней ребрышки. Только хотел спросить, как снизу раздался вопль:

- Что за фигня, Лао Чжоу?! Где мясо?! - Ван Цюань, перевернув всю миску, завыл.

Лу Пин и Чэнь Цзи подхватили:

- И у меня всего один кусок! Да еще и без мяса!

Комната наполнилась стонами.

Гу Цзицин опустил взгляд на аккуратно сложенные в миске сочные ребрышки, задержался на секунду, затем поднял глаза на Чжоу Цыбая.

Тот, пойманный на мелкой хитрости, покраснел, резко отстранился и, повернувшись к троим «счастливчикам», холодно бросил:

- Каждому по куску. Не нравится - не ешьте.

- Ага, будем! - Трое покорно опустили головы.

Чжоу Цыбай, сжав губы, вернулся на место и принялся за свою порцию лапши - без единого куска мяса.

Гу Цзицин, сидя на кровати, видел его напряженный профиль и пустую миску.

Слегка замешкавшись, он тихо усмехнулся, достал телефон и написал:

[Спасибо]

Подумав о стиле переписки Чжоу Цыбая, добавил:

[☺(^з^)]

Чжоу Цыбай, одной рукой открыв сообщение, замер, а затем вся его шея моментально залилась румянцем.

Гу Цзицин прислал ему такой смайлик?!

Нет, надо дождаться, пока Ван Цюань и остальные уйдут, и всё объяснить: его отношение - просто дружеское, ничего больше, и он никогда не полюбит парня.

Иначе недопонимание разрастется, и если Гу Цзицин всерьез влюбится, будет поздно.

Сердце Чжоу Цыбая бешено колотилось. Не в силах продолжать размышлять, он уткнулся в лапшу и понял, что переборщил с соусом.

Слишком приторно.

Ван Цюань тем временем уплетал за обе щеки, не забывая о своем хобби:

- Эй, Гу, говорят, ты сегодня на волонтерской акции для бездомных собак заболел?

- М-м. - Гу Цзицин, скрестив ноги на кровати, неспешно потягивал суп.

Снизу его миска казалась Ван Цюаню огромной:

- Ну ты даёшь! Красавчик, добряк, ещё и зверюшек любишь. У меня для тебя парень идеальный есть.

Гу Цзицин, за десять дней познакомившийся с тремя «кандидатами», почувствовал недоброе.

Ван Цюань тут же сунул ему телефон:

- Смотри, это он. Красавчик? Учится в Пекинском университете, медик, на три курса старше. Сам открыл зоомагазин рядом с кампусом - не ради денег, а чтобы приютить животных. Вот фото магазина - уютно, правда?

Место и правда симпатичное, парень улыбочивый, опрятный.

Но Гу Цзицин не был заинтересован. Раньше он соглашался добавлять в друзья, чтобы не обидеть Ван Цюаня. Теперь же, видя его настойчивость, мягко отказался:

- Он прекрасен, но я пока не хочу отношений.

- Почему?! Ты же эталон! Если ты одинок - это трагедия для всего Удаокоу! - Ван Цюань не сдавался.

Гу Цзицин молчал, не зная, как объяснить, что романтика кажется ему пустой тратой времени.

Пауза осенила Ван Цюаня:

- Так ты влюблён?! Поэтому всех отвергаешь?

Гу Цзицин не успел ответить, как Чжоу Цыбай замер с палочками в руке.

- Точно! - Ван Цюань торжествовал. - Ладно, не буду мешать. Просто боялся, что ты останешься один, и опять какой-нибудь Хэ Чанчжи появится.

Ничего не объяснивший Гу Цзицин:

- ...

Решил не поправлять:

- Хорошо.

Пальцы Чжоу Цыбая побелели, сжимая палочки.

Ван Цюань собрался продолжить, но Чжоу Цыбай вскочил, выхватил у него миску:

- Хватит. Возвращайтесь в свою комнату. И вы двое - идите играть к соседям. Гу Цзицину нужно спать.

Лишившиеся еды Ван Цюань, Лу Пин и Чэнь Цзи обменялись недоуменными взглядами:

- ?

Чжоу Цыбай последнее время словно с цепи сорвался.

Но, взглянув на бледного Гу Цзицина, решили не спорить. Хотя что-то тут было не так...

Пока троица, ворча, удалилась, Чжоу Цыбай подошел к кровати и строго произнес:

- Надо поговорить.

Гу Цзицин, жуящий ребрышко, поднял брови:

- ?

Из-за температуры его глаза блестели, щеки розовели, взгляд казался трогательно-беззащитным.

Чжоу Цыбай, подготовивший жесткую речь, сдался:

Ладно, раз Гу Цзицин не признался открыто, можно обойтись намеком.

Он верил: чувства должны быть ясными. Любишь – говори, не любишь – режь правду.

Но слова давались неожиданно тяжело.

Помедлив, он отвел взгляд:

- Ребрышки... потому что ты болен. Не придавай значения.

Гу Цзицин, не понимая подтекста, продолжил жевать, лишь удивленно моргнув.

Чжоу Цыбай, сжав кулаки, добавил:

- Иногда, когда человеку не хватает заботы, он привязывается к первому, кто проявил доброту. Как я в школе влюбился в девушку, которая меня поддержала. До сих пор её люблю. Если встречу – признаюсь.

Глаза его горели искренностью.

Гу Цзицин недоумевал: зачем ему это?

Чжоу Цыбай, собрав волю, продолжил:

- Такие чувства – часто иллюзия. Но моя любовь – настоящая. Я буду верен ей всегда. Понял?

Понял.

Гу Цзицин уловил суть: Чжоу Цыбай подчеркивает свою гетеросексуальность.

Он кивнул, опустив ресницы:

- Понял.

Тень от ресниц легла на бледные щеки, словно печаль.

Чжоу Цыбая кольнуло: не слишком ли резко?

Но боясь дать ложную надежду, промолчал.

Гу Цзицин же устался на сообщение от Шэнь Чжао:

[Шэнь-Сань]: Прости, не смогу присмотреть за Чжоу-Чжоу – уезжаю в Шанхай на месяц. Может, мать задержится?

Но билеты уже куплены.

Гу Цзицин вдруг вспомнил про зоомагазин и написал Ван Цюаню:

[Скинь контакт того студента.]

Через три секунды в коридоре грянуло:

- Блин, Гу!!! Ты передумал?! Добавить Пэй Имина?! Я же говорил – он идеален для тебя: красавчик, добрый, настоящий топ!!! Сейчас скину!!!

Ван Цюань волновался так, будто его любимую капусту, которую он годами выращивал, наконец-то выбрала достойная свинья. Прижав телефон к груди, он подскочил к кровати Гу Цзицина и начал взахлёб расхваливать старшекурсника:

- Он такой умный, порядочный, с безупречной репутацией! Да ещё и чистейший топ, которых днём с огнём не сыщешь!

Гу Цзицин, уже привыкший к этим тирадам, пропускал слова мимо ушей, сосредоточенно переписываясь о передержке питомца.

А вот Чжоу Цыбай, стоявший рядом, мрачнел с каждой секундой.

Видя, как Гу Цзицин добавляет в контакты того самого пекинского студента и договаривается о встрече накануне Рождества, он едва сдерживался, чтобы не вмешаться.

Он только что объяснился с Гу Цзицином, а тот уже общается с тем, кого раньше отверг? Что это значит?

Но спрашивать было бестактно. В конце концов, Гу Цзицин имел право искать утешения, менять цели или просто заинтересоваться кем-то новым. Это его личное дело.

Однако в груди упрямо kloкотало что-то тяжёлое – досада, раздражение, непонятная горечь.

Он плюхнулся на стул, набрал лапши и сразу сплюнул: сегодня соус вышел откровенно кислым.

Впрочем, кулинарные навыки Чжоу Цыбая в целом радовали. Пока Гу Цзицин болел, тот готовил ему полезные блюда, иногда даже варил бульоны.

Хоть лицо его и оставалось каменным, а разговоров он избегал, Гу Цзицин за неделю поправился, щёки порозовели, да и вес незаметно прибавил.

К Сочельнику он почти выздоровел.

Но когда Чжоу Цыбай вернулся в общежитие с покупками, его взору предстало нечто возмутительное: в минус пятнадцать Гу Цзицин щеголял в короткой дублёнке и синих джинсах, под которыми явно не было термобелья.

Светлая куртка подчёркивала его нежность, длинные ноги и тонкую талию, мелькавшую при движении. Со стороны он выглядел безупречно.

Но зачем так одеваться зимой?!

Неужели он забыл, что только что переболел?

Чжоу Цыбай, неделю выхаживавший его, не выдержал:

- Сегодня мороз. Надень пуховик.

Гу Цзицин взглянул на сообщение от Инь Лань:

[Дорогой, мы с Чжоу-Чжоу уже в отеле. Присоединишься к чаепитию?]

К фото прилагалось: [Элегантная дама в шикарном наряде, самоед с бантом и рождественский

сет в «Хилтоне»].

Инь Лань обожала наряжаться сама и наряжать сына. В детстве Гу Цзицин с его тонкими чертами и стрижкой «под горшок» часто принимали за девочку. Лишь к старшим классам, когда он вымахал под метр восемьдесят, путаница прекратилась.

Но мать всё равно ворчала, если он одевался слишком просто. Лучше немного помёрзнуть, чем потом часами таскаться по магазинам.

- Всё в порядке, - тихо ответил он. - Тот, с кем встречаюсь, не любит, когда я в пуховике.

Он не хотел рассказывать о визите Инь Лань, потому соврал.

Чжоу Цыбай, и без того на взводе, взорвался:

Как это «не любит»? В такую погоду! Неужели внешность важнее здоровья?

Да Гу Цзицин и так красив, хоть в мешке ходи!

И кто только этих ухажёров подсовывает? Одни поверхностные типы!

Он едва не приказал остаться дома, но вовремя сдержался. Не его право.

- Тогда я отвезу тебя, - процедил он сквозь зубы.

- Не нужно, - Гу Цзицин уже собирал вещи. - Он сам заедет.

«Он» - очевидно, тот самый Пэй Имин. Ван Цюань хвалил его как джентльмена: конечно, не заставит мёрзнуть в такси.

Чжоу Цыбай буркнул «хм» и уткнулся в чертежи.

Гу Цзицин вышел, разговаривая по телефону. В трубке прозвучали мужские слова: «вечеринка», «бар», «сегодня».

Чжоу Цыбай чертил яростно, но линии выходили кривыми. В конце концов он швырнул карандаш и откинулся на спинку стула.

На столе Гу Цзицина лежал забытый кошелёк.

Неужели так спешил к Пэй Имину?!

Набрав номер и получив «занято», Чжоу Цыбай схватил кошелёк и свой шарф, ринувшись вниз.

У подъезда высокий мужчина в сером пальто и очках подходил к Гу Цзицину. Тот поднял глаза, улыбнувшись.

Солнце играло в его слезинке-родинке.

Чжоу Цыбай почувствовал странную тяжесть в груди.

Но это глупости. Гу Цзицин взрослый, сам решает, с кем общаться.

Сделав глубокий вдох, он выпрямился, придав лицу ледяное выражение, и зашагал к ним, словно модель на подиуме.

Его фигура в чёрном пуховике, обычном для студентов, смотрелась по-модельному. Волосы были небрежно взъерошены, черты лица – безупречны.

Но Гу Цзицин уловил в его взгляде что-то знакомое – так их семейный ши-тцу дулся, когда он играл с соседским псом. Потом пёс убежал, а ши-тцу тут же становился милашкой.

Хотя сравнивать Чжоу Цыбая с самоедом... Бред.

- Тогда поедem сразу в отель? – Гу Цзицин повернулся к Пэй Имину.

- Да, – кивнул тот. – Завтра утром могу тебя подбросить обратно.

Чжоу Цыбай, оказавшись в шаге от них, застыл как вкопанный.

Авторское примечание:

Пёс в шоке: Жена сбегает с другим?!

<http://bllate.org/book/14413/1274346>